

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Глухарев Н.Н. — Формирование образов будущего в СССР в 1920-е гг. // Genesis: исторические исследования. — 2024. — № 1. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.1.69559 EDN: PWXOFU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69559

Формирование образов будущего в СССР в 1920-е гг.

Глухарев Николай Николаевич

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; доцент, кафедра новейшей отечественной истории, Московский педагогический государственный университет

119435, Россия, Москва область, г. Москва, ул. М. Пироговская, д.1, оф. стр.1

✉ gluharevn@yandex.ru

[Статья из рубрики "Памятная дата в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.1.69559

EDN:

PWXOFU

Дата направления статьи в редакцию:

08-01-2024

Дата публикации:

15-01-2024

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению тенденций формирования образов будущего в СССР в 1920-е гг. Предметом исследования является образ будущего как объект проектирования в период становления нового государства общества, поиска ориентиров и практик общественного развития. Проектирование в широком контексте рассматривается как активная творческая деятельность по формированию образа будущего. Проектирование может предполагать определенные сроки своего осуществления, а может основываться на примерных расчетах, на некоторых ориентировках, не имеющих строгого временного ограничения. Не смотря на высказываемые в литературе сомнения в успешности целенаправленного формирования коллективного образа будущего, опыт по конструированию заданных образов будущего в конкретные исторические периоды, безусловно, заслуживает пристального внимания,

как и то, насколько такие образы оказались привлекательными и разделяемые социумом в конкретный временной период. Методами исследования выступили историко-аналитический, историко-сравнительный, историко-генетический, системно-аналитический. В качестве методологической основы изучения образов будущего приняты постулаты Ф. Полака и Э.Блоха. В статье определяются субъекты проектирования образов будущего в изучаемый период, среди которых – лидеры и идеологи коммунистической партии, а также представителей городской интеллигенции, вовлеченные в активные процессы государственного строительства, культурной и научной деятельности. Выявляются основные факторы формирования образов будущего, среди которых отмечены: «актуальное настоящее», политические программы и идеологические установки властной элиты, идейные течения предыдущих десятилетий, научные достижения, системы ценностей. Проектирование образов будущего субъектами в 1920-е гг., испытывая действия различных факторов, приводило к формированию образов преимущественно утопического характера, определяя горизонты «ожидаемого» или «возможного» будущего. При схематичности и неконкретности политических установок на коммунизм и разнообразии его авторских образных вариантов будущее общество представлялось в общих категориях коллективизма, наукоцентризма, технократизма, идеалах нового социально детерминированного человека, подчинения природы обществу.

Ключевые слова:

образ будущего, коммунизм, коллективизм, наукоцентризм, технократизм, утопия, проектирование, конструирование будущего, идеология, концепция нового человека

Статья подготовлена в рамках темы 123091200059-2 «Образы будущего России: историческая проекция» Экспертного института социальных исследований при поддержке Министерства науки и высшего образования в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Образы будущего являются неотъемлемой частью общественного сознания, формулируются в конкретно-исторических условиях и представляют собой сложную структуру, сочетающую систему мировоззренческих установок, ценностей, дискурсивных практик и художественных воплощений. Исследование исторической проекции образов будущего важно с точки зрения выявления базовых механизмов возникновения и образного оформления социальных ожиданий.

Раннесоветский опыт работы с образами будущего интересен в контексте становления нового государства и общества в условиях множественности внутренних и внешних вызовов первой половины XX века. Постсоветская российская государственность, на наш взгляд, столкнулась с рядом схожих мировоззренческих, социально-политических и экономических трудностей переходного периода, актуализируя поиски контуров общего будущего различными политическими институтами и всплеск разнонаправленных векторов ожиданий от будущего разными социальными группами.

Исследовательские подходы к изучению образов будущего существуют сегодня в междисциплинарном пространстве, предлагая различную их трактовку. Одним из первых попытку научного осмысления данного общественного феномена предпринял Ф. Полак. Среди его наблюдений следует отметить важную идею о том, что образ будущего представляет собой синтез восприятия реальности и воображения, а конкретную форму

ему придают творчески одаренные люди, способные «жить в двух мирах одновременно» — мире воображения и реальном мире (пророки, философы, литераторы). Однако эти авторские сочинения воспринимаются обществом, становятся достоянием культуры и мировоззрения целых поколений, поскольку сами черпают материал из общественных устроений [\[12, с. 116\]](#).

Взаимосвязанность индивидуального и коллективного в образах будущего признается большинством исследователей. Исходя из концепций общественного сознания К. Маркса и Э. Дюркгейма, индивидуальное сознание развивается не само по себе, а в условиях постоянного заимствования, осмысления и переработки общественных представлений. В свою очередь, размышления о будущем конкретного человека осуществляются в социальном контексте, вписываются в представления о будущем всего общества. С.И. Желтикова рассматривает образ будущего как элемент социальной реальности, выражающийся в коллективных предчувствиях возможных направлений развития общества, как целостную картину, отражающую социальные ожидания больших групп людей [\[12, с. 19\]](#).

В отечественной гуманитаристике образы будущего зачастую изучаются в рамках конструктивистского подхода [\[17\]](#).

В рамках политического подхода образ будущего представляется как искусственно созданный конструкт, призванный модифицировать общественное сознание в сторону тех или иных общественных представлений о будущем, обеспечивающих политические интересы государства и иных общественных институтов.

Х.А. Гаджиев Х.А. и И.С. Шушпанова обосновывают возможность и необходимость формирования образа будущего на основе технологии политического проектирования. Политический проект в данном случае понимается как акт, план или программа действий по созданию новых либо изменению уже существующих явлений в политической сфере в соответствии с поставленными политическими целями, который помимо определенной технологической карты содержит в себе образ социально-политических изменений [\[7\]](#).

А. И. Щербинин и Н. Г. Щербинина полагают, что процесс формирования образа будущего реализуется властными элитами с помощью символических практик и может происходить двумя путями. Первый связан с выполнением идеологического заказа креативными интеллектуалами, социологами, футурологами, политологами, результатом которого выступает образ будущего, репрезентируемый в дальнейшем от имени власти. Второй путь выстраивания «текста будущего» ориентирован на использование готовых социальных типизаций и продуктов коллективного воображения, которые адаптируются к интересам власти [\[31\]](#).

С.И. Белов использует понятие «монтаж» по отношению к инициации существования того или иного образа будущего представителями власти и связывает этот процесс с использованием политического мифа. Отечественный опыт создания образов будущего опирается на манипулятивные способности архетипов, элементов идентификации и социальной перцепции, которые в мифах усиливаются символическими комплексами, ритуалами и грамотно подобранным пантеоном героев. Автор пишет: «Практика показывает, что наибольшей эффективностью обладают футуromифы, построенные вокруг планов решения одной сверхзадачи, обладающей особой актуальностью для общества» [\[1\]](#).

Н.А. Лукьянова, С.З. Семерник и Е.М. Охотницкая выделяют четыре технологии

формирования образа будущего: прогнозирование, предвидение, планирование, проектирование. Основой первых двух технологий является экстраполяция в будущее или линейная проекция. Проектирование и планирование можно рассматривать как активное построение желаемого будущего. Данная группа технологий предполагает активную позицию человека, конструирующего будущее в зависимости от своих субъективных предпочтений. При этом формируемый образ будущего имеет двойную причинность, субъективно-объективный характер собственного воплощения [\[20\]](#).

В литературе, однако, высказываются сомнения в успешности целенаправленного формирования коллективного образа будущего. С.И. Желтикова отмечает возможность создания и распространения властными элитами убедительной и привлекательной модели будущего, однако сомневается, что данная картина будет «узнанной» и принятой в качестве собственного видения перспективы большими группами людей. Автор отмечает, что вмонтирование коллективных представлений о будущем в общественное сознание требует знания принципов функционирования образов будущего, закономерностей их существования, ведущих тенденций динамики, что на сегодняшний день по-прежнему остается недостаточно изученным [\[12, с. 116\]](#).

На наш взгляд, исторический опыт по целенаправленному конструированию образов будущего, безусловно, заслуживает пристального внимания, как и то, насколько такие образы оказались привлекательными и разделяемые социумом в конкретный временной период. Предметом нашего исследования является образ будущего как объект проектирования в 1920-е гг. – период становления нового государства общества, поиска ориентиров и практик общественного развития. Проектирование в широком контексте нами рассматривается как активная творческая деятельность по формированию образа будущего. Проектирование может предполагать определенные сроки своего осуществления, а может основываться на примерных расчетах, на некоторых ориентировках, не имеющих строгого временного ограничения. Проектирование «основано на том, что будет, и отвечает на вопрос о желаемом состоянии в будущем... Оно обусловлено творческим освоением действительности. Проектирование не ставит перед собой задачу непосредственного воплощения идеи. Его задача сформулировать, построить, создать идею из всего многообразия наличных фактов» [\[20, с. 79\]](#).

Методами исследования выступили историко-аналитический, историко-сравнительный, историко-генетический, системно-аналитический. В качестве методологической основы изучения образов будущего приняты постулаты Ф. Полака и Э.Блоха.

Глобальное проектирование являлось неотъемлемой чертой, присущей советской власти, начиная с первых лет ее существования [\[10, с. 28-29\]](#). Это стало возможным благодаря складыванию государственной идеологии и устойчивых механизмов ее трансляции в общественное пространство. Советская идеология, основываясь на марксистской философии, относилась к будущему исключительно как объекту сознательного проектирования, чему способствовала претензия на объяснение универсальных законов общественно-исторического развития с помощью теоретико-философских методов марксизма. Интерпретации марксизма в России тесно переплеталась с практикой общественной активности революционных движений, прямо нацеленных на политическую власть. Большевики и В.И. Ленин рассматривали будущее, контуры которого заложены Марксом как неизбежное, объективно обусловленное, тем не менее, зависимое от непосредственной активности прогрессивных революционных сил. В России такой силой признавалась рабочая партия как авангард рабочего класса (пролетариата) и союзного ему крестьянства (беднейшего и среднего). Идеологические конструкты, тесно

соединенные с политической практикой, апеллировали, прежде всего, к данным категориям населения, предлагая образы, соответствующие (по мнению идеологов) интересам данных классов.

Именно лидеров и идеологов коммунистической партии можно считать основными субъектами проектирования образов будущего. Официальный дискурс в общих рамках задавал направления формирования ближнего и дальнего будущего иными активными субъектами. К ним можно отнести, прежде всего, представителей городской интеллигенции, вовлеченной в активные процессы государственного строительства, культурной и научной деятельности. На данном уровне происходило художественное или проектное оформление установок и представлений о будущем, становившихся в дальнейшем частью культурного пространства Советской России и Советского Союза.

Источниками, позволяющими нам зафиксировать ведущие тенденции и образы, выступают текстовые и визуальные продукты интеллектуальной деятельности основных субъектов проектирования: теоретико-философские и научно-практические труды, научно-популярные, публицистические произведения, программно-политические документы, речи и статьи политических деятелей, статьи журналистов, художественные произведения поэтов и писателей (в том числе беллетристика), произведения искусства, архитектурные объекты.

Как отмечали Ф. Полак и Э. Блох, именно художественные образы наиболее эффективно представляют видение будущего – достраивают пунктирный рисунок «еще-небытия» до полноценной картины, которая впоследствии может стать устойчивым элементом общественного сознания [\[3\]](#). Однако некорректно говорить об исключительной роли субъекта в конструировании образа будущего, «где будущее рассматривается человеком как возможность изменить настоящее, поскольку существует ряд объективных факторов, влияющих и на формируемый образ будущего, и на деятельность человека в настоящем» [\[20, с. 83\]](#). Необходимо определить и другие факторы, оказывающие свое непосредственное влияние на проектирование образов будущего в период 1920-х гг.

С.И. Желтикова отмечает как один из решающих факторов формирования образов будущего и их конкретного облика – то *актуальное настоящее*, в котором формируются эти образы, и проблемы, на которые реагируют конкретные люди [\[12, с. 123\]](#). Применительно к послереволюционному периоду на первое место выступают проблемы социально-экономического состояния страны, оставшейся в серьезном кризисе, а также взаимоотношения новой власти и общества. Противоречия новой экономической политики, проблемы неравенства в городе и деревне, бедности, голода, беспризорности, авторитарная политика властей, идеологизация общественной жизни при отрыве от материальной реальности и другие проблемы действительности не могли не оставить своего отпечатка на отношении в обществе к возможному будущему. Именно для 1920-х гг. характерны метания от откровенных утопий (желаемого идеального будущего, устранившего недостатки реальности, «ожиданий-надежд») к антиутопиям (будущего, усугубляющего недостатки настоящего, «ожиданиям-страхам»). К первым можно отнести «Страну Гонгури» В. Итина (1922), «Грядущий мир: 1923-2123» Я. Окунева (1923), «Чевенгур» А. Платонова (1928), ко вторым – «Мы» Е. Замятина (1921), «Город Правды» Л. Лунца (1924). Для художественных пробольшевистских утопий 1920-х гг., вышедших из реалий Гражданской войны и хозяйственной разрухи, характерно стремление к отрицанию любого возможного хаоса в будущем, представляемым строго организованным, без угнетения, частной собственности, голода, болезней и даже смерти. Антиутопические произведения, сомневающиеся в возможности достижения

идеального коммунистического будущего, в большей степени обращали внимание на конфликт личности и государства в организованном обществе, показывая отрицательные стороны диктата коллективизма, одинаковости, однообразия.

Другим важным фактором являются *политические программы и идеологические установки* властной элиты. Безусловно, они также подвержены определенным трансформациям в зависимости от развития практических условий их реализации. Однако большевистское руководство поставило и планомерно проводило в жизнь задачу целеполагания, собирания общества на основе понятной цели объединяющего образа будущего с самых первых лет установления советской власти [\[15\]](#). Коммунизм как принципиально новое общественное состояние объявлялось принципиально возможным при условии сохранения диктатуры пролетариата и приложения достаточных общественных усилий для осуществления преобразований.

В.И. Ленин определил общие черты коммунистического общества в программной работе «Государство и революция» (1917), определяя последовательные этапы его наступления. На первом этапе в таком обществе средства производства уже вышли из частной собственности и принадлежат всему обществу, а каждый член общества участвует в общественно-полезной работе, «получает от общества столько же, сколько он ему дал» [\[18, с. 437\]](#). На этой стадии полное равенство еще отсутствует, однако эксплуатация человека человеком уже уничтожена. Таким образом, В.И. Ленин обосновывает промежуточную стадию социализма, в котором пролетарское государство будет обеспечивать общественную собственность и борьбу с враждебными трудящимся классами. «Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т.е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в подчинении одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественности без насилия и без подчинения» [\[18, с. 428\]](#), – писал Ленин. Для этого необходимо новое поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, которое окажется в состоянии отбросить «хлам государственности». Опираясь на К. Маркса и Ф. Энгельса, В.И. Ленин характеризует финальную стадию коммунизма через описание будущего соотношения производительных сил и производственных отношений. В области отношений – исчезновение противоположности умственного и физического труда (и вообще – разделения труда), превращение труда из средства для жизни в потребность жизни, распределение «от каждого по способностям, каждому по потребностям». В области производительных сил развитие должно довести до такого состояния, когда «все источники богатства польются полным потоком», а процесс производства общественных благ не будет представлять никакого затруднения и усилия. В этих условиях произойдет отмирание государства, а значит и полная отмена социального неравенства. Ленин подчеркивает длительность этого процесса, не обозначая конкретные сроки, отбрасывая при этом критику коммунизма с позиции утопичности очерченного общества будущего: «Таким зубоскальством отделяются и поныне большинство буржуазных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма» [\[18, с. 439-441\]](#).

В программе РКП(б) 1919 г. определялось реальное скорое наступление мировой революции и переход к коммунизму. При этом конкретные черты коммунистического общества отдельно не назывались, но предлагался комплекс мер по подготовке

перехода к данному обществу, прежде всего, в России. Более подробно рисует образ коммунистического будущего Н. Бухарин в работе «Азбука коммунизма» (1920), издаваемой огромными тиражами и на десятилетие ставшей главным источником распространения коммунистической программы в советском обществе.

Согласно Н. Бухарину, «отличительными чертами коммунистического способа производства должны быть следующие признаки: 1) это должно быть общество организованное; оно не должно иметь анархии производства, конкуренции частных предпринимателей, войн, кризисов; 2) это должно быть общество бесклассовое, оно не должно состоять из вечно враждующих друг с другом половин, оно не может быть обществом, где один класс эксплуатируется другим классом» [\[5, с. 51-52\]](#). Общественная собственность на средства производства, как главное условие коммунизма, определяет хозяйственную структуру такого общества как «громадную трудовую товарищескую артель». Бухарин подчеркивает, что производство в такой артели должно носить предельно организованный характер, иметь общий план производства, рассчитанный до мелочей. «Товарищеский характер коммунистического производства проявляется и во всех подробностях организации этого производства, – поясняет Бухарин, – При коммунизме, например, не будет постоянных управляющих заводами или лиц, всю свою жизнь занимающихся одним и тем же трудом. Ведь теперь так: если человек – сапожник, то он всю жизнь тачает сапоги и, кроме колодки, ничего не видит; если он – пирожник, он всю жизнь печет пироги; если человек – директор фабрики, он все время управляет и приказывает; если он – простой рабочий, он всю жизнь исполняет чужие приказания и повинуется... Тут люди все получают разностороннее образование и будут знакомы с разными производствами: сегодня я управляю, подсчитывая, сколько нужно произвести на следующий месяц валяных сапог или французских булок; завтра я работаю на мыловаренном заводе, через неделю, может быть, – на общественных парниках, а еще через три дня – на электрической станции» [\[5, с. 53\]](#).

Тезис об отмирании государства при коммунизме Бухарин снабжает подробным пояснением о способах управления в новом обществе: «Главное руководство будет лежать в разного рода счетных конторах, или статистических (вычислительных) бюро. Там будет изо дня в день вестись учет всему производству и потребностям производства; будет указываться также, куда нужно добавить рабочие руки, откуда убавить, сколько работать. И так как все будут с детства привычны к общему труду и понимать, что он нужен и что жить всего легче, когда все идет по рассчитанному плану, как по маслу, то все и работают, смотря по указаниям этих вычислительных бюро. Тут не нужно особых министров, полиции, тюрем, законов, декретов, – ничего. Как в оркестре все смотрят на дирижерскую палочку и действуют, смотря на нее, так и здесь будут смотреть на расчетные таблицы и соответственно этому вести работу» [\[5, с. 55\]](#). Произойдет это не сразу, а по смене двух-трех поколений, выросших при новых условиях. Изменится и материальная и духовная жизнь человека: человеческая культура достигнет небывалой высоты. Большую часть времени человек будет тратить на духовное развитие, освобождаясь от «цепей, накладываемых природой» [\[5, с. 57\]](#).

Таким образом, коммунистическое общество должно иметь два необходимых слагаемых – материальную базу (развитое производство материальных благ) и принципиально новые общественные отношения между ее создателями, основанные на концепции «нового человека».

Деконструкция программно-политических установок позволяет выделить главные категории, вокруг которых проектировалось большинство образов будущего

хозяйственного устройства общества: материализм, науко-центризм, урбанизм и технократизм.

Уверенность в главенстве материи над сознанием порождает в 1920-е гг. множество материалистических проектов «строительства» социалистического общества. Наукоцентризм в обществе поддерживался пристальным вниманием власти к ученым и складыванием государственной системы организации научной деятельности. К науке предъявлялись требования по разработке программ социалистического строительства в различных областях общественной жизни. На смену буржуазной должна была прийти новая пролетарская наука, которая будет цельной (бесклассовой), синтезирующей, тесно связанной с жизнью. Например, П.М. Керженцев писал: «Вместо кабинетной науки буржуазного мира явится подлинная жизненная наука» [\[16\]](#). Все население, особенно трудящиеся, должны вовлекаться в процесс научного творчества, наука должна стать частью повседневной жизни пролетария.

Образы материальной среды будущего находили свое отражение в рамках производственного искусства, конструктивизма. В рамках данных направлений состоялись попытка практического воплощения идей жизнестроительства/миростроительства (А.М. Родченко, А.М. Ган, В.Е. Татлин и др.). В немалой степени этому способствовала государственная программа производственной пропаганды (1921), в которой активная роль отводилась искусству. Конструктивизм особенно ярко проявился в архитектуре и проектировании нового жилища. Архитекторы данного направления вдохновлялись идеями коллективизации человеческого быта, отмирания домашнего хозяйства и моногамной семьи при коммунистической организации общества. Ярким примером воплощения новых идей, основанных, в том числе на опыте домов-комунн времен Гражданской войны, можно считать дом для работников Народного комиссариата финансов СССР в Москве (архитекторы М. Гинзбург и Н. Миллинис, 1928–1930) [\[6\]](#).

Комплексный идеал социалистического пространства находил воплощение в идее индустриального города будущего. Многие художественные утопии 1920-х гг. изображали урбанистические картины коммунизма. Одним из ярких примеров можно считать газетный роман Вл. Федорова «Чудо грешного Питирима» (1925), рисующий картины Иваново-Вознесенска 2025 г., показанного как третья пролетарская столица РСФСР и второй по значимости город коммунистического Восточного полушария [\[26\]](#).

Группа супрематистов «Уновис» (Утвердители нового искусства; основана К. Малевичем в 1920 г.) предложила утопическую программу будущего, в которой мыслились новая эстетическая городская среда, космические спутники, преобразование самого человеческого сознания. Новый мир должен быть идеальным прежде всего за счет его строительства по эстетическим законам творчества. Образы будущего «единого мирового города» воплощались в серии «Проуны» Э. Лисицкого (1920-е) – парящих в пространстве объемных динамических структурах [\[6\]](#).

Многие варианты образов будущего опирались на идею технократизма – строительства и управления обществом на основе принципов научной и технико-технологической рациональности. Ее поддерживали и пропагандировали как партийные деятели (А. Гастев, А. Богданов, Н. Подвойский, Н. Семашко, Г. Кржижановский), так и представители научно-технической интеллигенции. К последним можно отнести, например, инженера П.А. Пальчинского, обрисовавшего общество, организованное в соответствии с новейшими научно-техническими, а не идеологическими

представлениями, предлагая заменить Коминтерн на «Техинтерн». Похожие идеи высказывались на страницах журнала «Вестник инженеров», который издавался ректором Московского высшего технического училища И.А. Калининским. В 1927 г. им был организован «Кружок по общим вопросам техники», члены которого планировали разработать идеологию, «полностью соответствующую новой технической культуре» [\[4, с. 197\]](#). Развитие технократических идей продолжалось в научно-технической администрации ВСНХ, в которой считали, что «будущее принадлежит управляющим инженерам и инженерам-управляющим» [\[4, с. 197\]](#).

Большое внимание уделялось организации труда в будущем. Полное достижение коммунизма в области «освобождения труда» и превращения его из обязанности в потребность хорошо показано в упомянутом выше романе Я.М. Окунева «Грядущий мир: 1923-2123» (1923).

Л.Д. Троцкий в работе «Литература и революция» (1923 г., раздел «Перековка человека») писал: «Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно экспериментальной. Человеческий род, застывший *homo sapiens*, снова поступит в радикальную переработку и станет — под собственными пальцами — объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки» [\[24, с. 188\]](#).

Наибольшее влияние на представления о будущей организации общества в изучаемый период оказали идеи и образы, предлагаемые А. Гастевым в рамках его концепции «научной организации труда». Он предлагал «заразить современного человека особой методикой к постоянному биологическому совершенствованию, биологическим починкам и переделкам... Я пришел к убеждению, что самым высшим выражением в работе... является инженерия. Творческая инженерия, приложенная как к организационной конструкторской работе, так и к работе по переделке человека - является самой высшей научной и художественной мудростью» [\[14, с. 101\]](#).

Гастев писал на страницах журнала «Пролетарская культура», издаваемого Пролеткультом, что «человек будущего — человек режима, монтажа, организации. Идеальный тип рабочего тот, у которого преобладает полное торжество современного машинизма... Машинизирование не только жестов, не только рабоче-производственных методов, но машинизирование обыденно-бытового мышления, соединенное с крайним объективизмом, поразительно нормализует психологию пролетариата. В дальнейшем эта тенденция создаст невозможность индивидуального мышления, претворяясь в объективную психологию целого класса с системами психологических включений, выключений, замыканий» [\[8, с. 44\]](#). Гастев был убежден в том, что в будущем роль технологий, техники будет неуклонно возрастать, что приведет к слиянию человека с машиной: «...Кругом закованный сталью земной шар будет котлом Вселенной, и когда, в наступлении трудового порыва, Земля не выдержит и разорвет стальную броню, она родит новых существ, имя которым уже не будет человек. Новорожденные... сразу двинут всю землю на новую орбиту, перемешают карту солнц и планет, создадут новые этажи над мирами. Сам мир будет новой машиной, где космос впервые найдет свое собственное сердце, свое биенье» [\[9, с. 34\]](#).

Другой футурологический проект организации общества в рамках Пролеткульта предлагал А. Богданов, разрабатывая «всеобщую организационную науку» тектологию. По его расчетам в будущем произойдет создание коллективистской культуры человечества, где индивидуумы сольются в единый коллектив. В таком обществе жизнь будет развиваться в соответствии со строгими принципами плановой организации «на

основе строго научной плановости» [\[19, с. 34\]](#). Изменится сама суть общественной морали, которая будет пониматься только как мера организационной целесообразности.

Образы нового технократического будущего доходили до перспективы полного преодоления природных ограничений, в том числе земного притяжения и даже смерти.

В очерках Б. Пильняка новая Россия ассоциировалась с полетом аэроплана, в котором восторженные крестьяне увидели символ «братства рабочих всего мира, революции во всем мире, воли к культуре, к знаниям, к победам» [\[21, с. 23\]](#). В. Муравьев в 1924 г. разрабатывает проект «городов-аэропланов» с людьми «землеводами и солнцеводами». Образы покорения космоса отражены в «Аэлите» А. Толстого (1922), «Аргонатах Вселенной» А. Ярославского (1926), художник К. Юон пишет полотна, репрезентирующие коммунистический рай космического масштаба: «Симфония действия» (1925), «Люди будущего» (1929). Как отметила С.И. Желтикова, «образ будущего как воплощения социального идеала в космосе рисует удаленную перспективу человечества, акцентируя одновременно и выход его за пределы Земли, и кардинальные преобразования в области экономики, политики, социальных отношений и культуры» [\[13, с. 13\]](#). В этом смысле яркие образы дает фантастический роман Н. Муханова «Пылающие бездны» (1924), опубликованный на страницах журнала «Мир приключений». В нем люди будущего способны менять движения орбит небесных тел, создавать искусственные солнца, победить смерть.

Идеи продления жизни, бессмертия и воскрешения тела в 1920-е гг. были популярны в научной и околонуучной среде. Лабораторные исследования экспериментаторов переносили проблему жизни и смерти из метафизического плана в сферу земной деятельности человека. Из пересмотра понятий «жизни» и «смерти» логически вытекала способность «нового человека» в будущем создавать жизнь и сколь угодно долго отдалять смерть. Таким образом, и жизнь, и смерть «нового человека» оказывались подчинены не Божественному промыслу или природе, а человеческой воле, инструментом которой является наука [\[14, с. 156\]](#). Образы преодоления смерти отражены серии художника В. Чекрыгина «Воскрешение» (1921-1922), В. Маяковский создает образ «Института человеческих воскрешений» в пьесе «Клоп» (1929).

Наиболее утопично и ярко образы полного преобразования природы и подчинения космоса человеку содержат труды космистов, развивающиеся под влиянием не только советского социального эксперимента, но и дореволюционных теоретико-философских учений, миростроительства, богостроительства и т.п.

Например, К. Циолковский связывал прогресс человечества с качественными изменениями в физической структуре космоса и структуре психического восприятия человека (уточнению материи будет соответствовать более тонкая сенсорика). В его проекте будущего расселения человечества в Солнечной системе и других галактиках важнейшее место уделено биохимической перестройке людей, основанной на переработке солнечной энергии: это будет «лучистое человечество», «единый вид лучистой энергии», особое космическое сознание, разлитое во Вселенной, когда «идея» заполнит пространство космоса. Н. Федоров развивал идеи перестройки природы и человека в рамках концепции «общего дела». Он обрисовывал перспективы коллективного бытия, коллективной нравственности, коллективного мышления, а также возможности воскрешения живых существ. Он был убежден, что организм человека представляет собой машину: «Организм – машина, и сознание относится к нему как желчь к печени; соберите машину — и сознание возвратится к ней» [\[27, с. 199\]](#).

Созвучные идеи высказывались на страницах журнала «Биокосмист» (1922), в которых объявлялось о грядущей эволюции человечества через достижение бессмертия («иммортализм»), расширение свобод личности до возможности передвижения в космосе, освоение людьми всей Вселенной («интерпланетаризм»), способность управлять временем, победа над «натуральным гнетом» стихийных сил природы [\[23, с. 8-9\]](#).

Таким образом, вслед за материальной базой коммунизма должны сложиться новые общественные отношения, основанные на коллективизме и приоритете социального над индивидуальным. Образ коммунистического человека будущего в официальном дискурсе представлял исключительно в социальном контексте. Важное место уделялось вопросам новой морали, быта, равенства между людьми (и даже полами), высказывались идеи полного обобществления частной жизни.

В рамках политических и культурных процессов 1920-х гг. вокруг установок на создание нового человека не прекращались дискуссии о его сущности. Например, А. Богданов видел нового человека как коллективно организованного в единое целое научно-образованного человека. А. Луначарский обращал внимание на человека как творца, в котором духовная свобода личности предстает важной чертой будущего коммунистического общества. У Н. Бухарина новый человек должен быть, прежде всего, идеологически и политически олицетворять идеалы труда, быть образцом пролетарского сознания. Л. Троцкий полагал о возможности усовершенствовать человека с биологической стороны, превратив его в новый общественно-биологический тип личности, своего рода сверхчеловека. Как биологическую машину человека рассматривали А. Гастев и Н. Федоров. Вершиной механического взгляда на человека стала «теория новой биологии» Э.С. Енчмена, преподносимая им как «учение», исходящее от «пророка». Он радикально отрицал психическое в человеке, считая, что поведение человека целиком зависит от биохимических реакций. В новом мире у каждого человека должен быть физиологический паспорт, в котором будут значиться коэффициенты реакций, согласно которым каждому будут выданы соответствующие карточки, регулирующие его труд и потребление. Управлять таким обществом будет «Революционно-Научный Совет Мировой Коммуны» [\[11, с. 79\]](#). Акцент на биологической стороне человеческого тела при уничтожении всего духовного расценивался современниками как очищение от всего буржуазного и религиозного, возвращение к истинной, материальной сущности человека.

Необходимо отметить, что на характер проектируемых образов будущего помимо марксизма и официальной идеологии влияли и другие *идейные течения* предыдущих десятилетий (в том числе, авангарда в искусстве), и даже социальные утопии прошлых веков. Характерным можно считать свидетельство А. В. Луначарского, что план монументальной пропаганды возник у В. Ленина в связи с воспоминанием о «Городе Солнца» Т. Кампанеллы, где на стенах города должны были быть нарисованы фрески, возбуждающие гражданское чувство и участвующие в образовании и воспитании новых поколений [\[6\]](#). Необходимость рациональной организации общества высказывалась еще в эпоху Просвещения, а разрабатываемые в СССР принципы организации труда на производстве восходили к экономическим проектам У. Тейлора и Г. Форда.

Серьезное влияние на обозначение перспективы будущего оказывают *научные открытия*, изобретения, расчеты. Например, многие образы нового человека материалистического будущего связаны с развитием и распространением физиологии бехтеревской школы и рефлексологии К.Н. Корнилова. Образы космического будущего основывались на

построениях К. Э. Циолковского или В. И. Вернадского. Широкое распространение получает научно-технический романтизм (как гуманистический вариант технократических идей, не допускающий полную механизацию человеческой жизни) вместе с распространением в Советской России произведений Ж. Верна и Г. Уэллса [\[30, с. 23-25\]](#). Примечательно, что Г. Уэллс, назвав Ленина кремлевским мечтателем, признавал его партию «единственной организацией, которая давала людям единую установку, единый план действий, чувство взаимного доверия...» [\[25, с. 37\]](#).

Формообразующим фактором образов будущего исследователи называют *систему ценностей*. Как показывал Э. Блох, видение будущего зависит от тех ценностей и нравственных ориентиров, которые обозначаются как наиболее высокие идеалы. В связи с этим картины лучшего будущего, которое можно представить, носят неизбежно утопический характер. Ф. Полак утверждал, что основными источниками воображения будущего являются идеи, идеалы, ценности и нормы, утвердившиеся в широких социальных слоях.

В период начала советского проекта в 1920-е гг. происходило болезненное утверждение ценностей модерна среди городского населения при сопротивлении традиционного общества деревни. Борьба за новую систему ценностей разворачивалась и в политическом руководстве, о чем свидетельствуют идеологические дискуссии о «пролетарской культуре» «повороте к деревне», а также распространение революционных культурных и повседневных практик, поддерживаемых теми или иными политическими субъектами. Как отметил С.Г. Кара-Мурза, «за этим... стояли разные представления о модернизации — или с опорой на структуры традиционного общества, или через культурную революцию как демонтаж этих структур» [\[15\]](#).

Образы будущего с опорой на традиционные ценности и картины светлого социалистического будущего деревни оказались в оппозиции доминирующему технократическому дискурсу. Проектирование образов деревенского будущего осуществлялось в жанре ретроутопии о самоуправлении деревенского общеджития, что рассматривалось властями как враждебные пролетарскому социализму идеи (например, «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова, 1920).

Таким образом, проектирование образов будущего субъектами в 1920-е гг., испытывая действия различных факторов, приводило к формированию преимущественно образов утопического характера, определяя горизонты «ожидаемого» или «возможного» будущего. При схематичности и неконкретности политических установок на коммунизм и разнообразии его авторских образных вариантов будущее общество представлялось в общих категориях коллективизма, наукоцентризма, технократизма, идеалах нового социально детерминированного человека, подчинения природы обществу. Требуется дополнительное исследование вопроса о принятии советским обществом предлагаемых картин будущего и степени их укоренения в общественном сознании. Это позволит лучше узнать механизмы формирования социальных ожиданий. Вызывает интерес исследование А.А. Сальниковой, в котором автор предприняла попытку анализа сценариев будущего, представленных в «детских» текстах первого советского десятилетия, а также изучения их специфики, обусловленной аккумулированным детским опытом и новой советской политической реальностью [\[22\]](#). Именно новые поколения советских граждан рассматривались властью как главные строители будущего коммунизма и являлись основной аудиторией коммунистического воспитания нового человека. Автор пришла к выводу, что представления о будущем страны у детей часто размыта: «Это будущее всегда прекрасно, но зыбко и эфемерно, как мечта... Реальные образы будущего

заменяются политическими лозунгами и призывами, а к концу 1920-х гг. под влиянием политической пропаганды детские "проекты" будущего приобретают все более утопически-фантазийные черты» [\[22, с. 45\]](#).

Идейный кризис конца 1920-х гг. в условиях социально-экономических проблем и кризисов нэпа, нестабильной международной обстановки «военных тревог», расхождения практики реального социалистического строительства с предъявляемыми лозунгами отмечается рядом исследователей. Иллюстрируя это, В.П. Булдаков приводит высказывание большевика А.С. Енукидзе от мая 1928 г.: «У самых наифанатичнейших коммунистов-руководителей закрадывается неверие в будущее и даже взаимное недоверие... Мы окружены врагами как внутри, так и вовне государства. Буржуазные примеры заражают бездуховной и легкомысленной жизнью... внедряются в среду ранее надежных товарищей. Нам, старой гвардии, отказывается служить разум, и мы начинаем терять почву под ногами» [\[4, с. 126\]](#).

Задачи ускоренной модернизации и социальной мобилизации советского общества, инициированные И.В. Сталиным и его ближайшим окружением, привели к изменению характера проектирования образов будущего в 1930-е гг. На смену образам далекого желаемого или возможного пришло будущее «гарантированное», которое стало частью повседневной жизни человека: «Советский гражданин мог верить или не верить в светлое будущее, но не мог не знать, что такое ему обещано» [\[28\]](#).

Дальнейшее исследование образов будущего в исторической перспективе как объектов сознательного проектирования позволит учесть опыт предшествующих исторических периодов для выработки стратегии современных субъектов государственной политики конструирования будущего.

Библиография

1. Белов С. И. Перспективы использования политического мифа как ресурса формирования образа будущего в массовом сознании (на примере России) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1 (58). С. 62–68.
2. Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 71
3. Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 400 с.
4. Булдаков, В.П. Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени, Россия, 1920-1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012
5. Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Петербург, 1920.
6. Воскресенская В.В. Миростроительные утопии в отечественной художественной культуре 1920-х годов // Художественная культура. 2015. № 3-4 (16). URL: <https://artculturestudies.sias.ru/2015-3-4/istoriya-i-sovremennost/4832.html> (дата обращения 01.12.2023)
7. Гаджиев Х.А., Шушпанова И.С. Политическое проектирование образа будущего как фактор социально-политической стабильности России // Вестник РГГУ. Серия "Политология. История. Международные отношения". 2023. (3). С. 154-169.
8. Гастев А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9-10. С.44.
9. Гастев А. К. Поэзия рабочего удара (репринт. изд.). СПб., 2013.

10. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М.: МИК, 2000. 855 с. С. 28.
11. Енчмен Э. Теория новой биологии и марксизм. Вып. 1. Петербург, 1923. С.79.
12. Желтикова И.В. Образ будущего. Орёл: Изд-во «Картуш», 2021. 164 с.
13. Желтикова С.И. Образы будущего протяженностью в 200 лет: возможное и действительное российского будущего. Часть 2 // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2 (87). С. 12-18.
14. Изюмова Ю.А. Общественная мысль советской России: футурологические проекты научной интеллигенции 1920-х годов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самара. 2006. С. 101.
15. Кара-Мурза С.Г. Ленин. Алгоритм революции и образ будущего. М.: Академический проект. 2018. 295 с.
16. Керженцев П.М. К новой культуре. Пб., 1921.91 с.
17. Князева Е.Н. Конструирование будущего // Экономические стратегии. 2010. № 4. С. 81-97.
18. Ленин В.И. Сочинения. Т.25. М., Издательство политической литературы. 1969.
19. Леонтьева О.Б. Марксизм в России на рубеже XIX-XX веков. Самара: Сам. ун-т, 2004. 203 с. С. 164.
20. Лукьянова Н.А., Семерник С.З., Охотницкая Е.М. Технологии конструирования образов будущего: культур-философский анализ // Векторы благополучия: экономика и социум. 2023. № 1 (48). С.73-86.
21. Пильняк Б. Россия в полете. М-Л., 1926. С. 23.
22. Сальникова А.А. Конструирование будущего в детских нарративах первого советского десятилетия // Ученичество. 2022. Вып. 1. С. 37–45.
23. Святогор А., Иваницкий П. Биокосмизм. № 1. М.: Креаторий биокосмистов, 1921. С. 8–9.
24. Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1923. С. 188
25. Уэллс Г. Россия во мгле. М.: Политиздат. 1959. С. 37.
26. Федоров Вл. Чудо грешного Питирима // Региональный альбом. 2007. № 2. С. 56—91.
27. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений. Т.2. М., 1995. С. 199.
28. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. Москва, 2001. 336 с.
29. Черняева Е.Н. Формирование идеального образа советского человека в практиках художественной культуры 1920-х годов // Вестник КемГУКИ . 2014. 26. С. 163-170.
30. Черняховская Ю.С. «Большая тройка» советской художественной футурологии. Политико-философское осмысление проблем культурного суверенитета, культурно-цивилизационной интеграции и формирования идеалов будущего в произведениях И. Ефремова, А. Казанцева, А. и Б. Стругацких : компаративный анализ. М. : Институт Наследия, 2022. 380 с.
31. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 285–299.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

на статью «Формирование образов будущего в СССР в 1920-е гг.».

Предмет исследования образ будущего как объект проектирования в 1920-е гг. – период становления нового государства общества, поиска ориентиров и практик общественного развития. Автор статьи разъясняет, что проектирование в широком контексте рассматривается как активная творческая деятельность по формированию образа будущего. «Проектирование может предполагать определенные сроки своего осуществления, а может основываться на примерных расчетах, на некоторых ориентировках, не имеющих строгого временного ограничения». Методология исследования строится на основе научности, системности и историзма. В работе использованы следующие методы: историко-аналитический, историко-сравнительный, историко-генетический, системно-аналитический. «В качестве методологической основы изучения образов будущего приняты постулаты Ф. Полака и Э.Блоха.»

Актуальность. Образ будущего волновал и волнует многих людей. Строители советского государства привлекали на свою сторону массы людей на образах будущего, которые были привлекательны и которые были созданы Томасом Кампанеллой («Город Солнца»), идей Анри Сен-Симона, Карла Маркса и др. Изучение «раннесоветского опыта работы с образами будущего интересен в контексте становления нового государства и общества в условиях множественности внутренних и внешних вызовов первой половины XX века», особенно с учетом того, что «постсоветская российская государственность... столкнулась с рядом схожих мировоззренческих, социально-политических и экономических трудностей переходного периода, актуализируя поиски контуров общего будущего различными политическими институтами и всплеск разнонаправленных векторов ожиданий от будущего разными социальными группами».

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный с элементами описательности. Структура работы направлена на достижение цели и задач исследования. В начале статьи автор раскрывает актуальность темы, предмет, цели и задачи исследования, методы исследования. Показывает «какие исследовательские подходы к изучению образов будущего существуют сегодня в междисциплинарном пространстве». В статье выделяется роль голландского философа Фреда Полака, который одним из «одним из первых предпринял попытку научного осмысления» образов будущего. Среди его наблюдений автор отмечает «идею о том, что образ будущего представляет собой синтез восприятия реальности и воображения, а конкретную форму ему придают творчески одаренные люди, способные «жить в двух мирах одновременно» — мире воображения и реальном мире (пророки, философы, литераторы)». В отечественной гуманитаристике образы будущего, пишет автор изучаются в рамках конструктивистского подхода (Князев Е.Н.), в рамках политического подхода (Х.А. Гаджиев, И.С. Шушпанова) и др. Автор дает анализ работ российских исследователей о механизмах формирования образа будущего, акторах этого процесса, роли футуромифов в их формировании и технологиях формирования образа будущего. Отмечает, что некоторые исследователи высказывают сомнения «в успешности целенаправленного формирования коллективного образа будущего, т.к. до настоящего времени недостаточно изучены принципы функционирования образов будущего, закономерностей их существования, ведущих тенденций динамики».

Анализируя образы будущего, которые использовались в первое десятилетие советской власти автор отмечает, что глобальное проектирование являлось неотъемлемой чертой,

советской власти, начиная с первых лет ее существования. И показано какие механизмы, формы использовались для трансформации образов будущего в массы, кто был основными субъектами проектирования образов будущего, отмечается, что большевики использовали идеи технократизма для создания образов будущего, эти идеи поддерживали и продвигали ряд партийных деятелей и представители научно-технической интеллигенции, некоторые образы будущего были утопичны и не отвечали существующим физическим законам. Анализ автора образов будущего в исследуемый период приводит автора к выводу, что «проектирование образов будущего субъектами в 1920-е гг., испытывая действия различных факторов, приводило к формированию преимущественно образов утопического характера, определяя горизонты «ожидаемого» или «возможного» будущего. При схематичности и неконкретности политических установок на коммунизм и разнообразии его авторских образных вариантов будущее общество представлялось в общих категориях коллективизма, наукоцентризма, технократизма, идеалах нового социально детерминированного человека, подчинения природы обществу». В статье выделяются вопросы требующие дополнительно исследования в их числе «вопрос о принятии советским обществом предлагаемых картин будущего и степени их укоренения в общественном сознании, что позволит лучше узнать механизмы формирования социальных ожиданий... Дальнейшее исследование образов будущего в исторической перспективе как объектов сознательного проектирования позволит учесть опыт предшествующих исторических периодов для выработки стратегии современных субъектов государственной политики конструирования будущего».

Библиография. Библиографический список работ обширен (31 источник) и разнообразен, дает возможность достичь цели и задач исследования.

Апелляция к оппонентам представлена на Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации по теме исследования и полученных результатов. Апелляцией к оппонентам является также библиография работы.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы в учебных курсах и т.п.